

«Я до сих пор страшно боюсь сцены!»

— Михаил, все-таки почему вы не любите журналистов?

— Я их не то что не люблю, я не вижу смысла в этой профессии.

— ?!

— За свою жизнь я ответил, кажется, на все вопросы, и всех постоянно интересует: какой у Боярского автомобиль, есть ли домработница, сколько шляп в гардеробе. Скучно все это... Никто ведь не напишет, что культура сейчас в упадке, что ее, культуры, сейчас практически нет. Нет ярких личностей, нет ярких композиторов, актеров, политиков, журналистов. Нет Высоцкого, нет Талькова, нет Шукшина... Зато у нас есть «Фабрика звезд» и Верка Сердючка. Никто не думает о том, что та же Сердючка через пару лет будет лежать на диване, считать доллары и показываться со смеху над страной, которая ее недавно носила на руках! Стало очень скучно жить! Знаете, почему не люблю журналистов? Потому что сейчас я с вами откровенен, могу наговорить разное. А вы потом сядете, отредактируете мои слова, приведете их в читабельную форму, вырежете все мои эмоции и снова получится обычное интервью. Неинтересное...

— Я обещаю, что из нашей беседы ничего не пропадет. Не бойтесь, что вас обвинят в излишней откровенности?

— Я уже ничего не боюсь. Сейчас все превратилось в пиар. Мне пиар не нужен: я могу в интервью сказать все, что я думаю. Но когда на экране появляется очередная новоиспеченная «звезда», сразу начинается массивная пиар-кампания: выдумывается все, вплоть до биографии. Потом читаешь и тошно становится: все они такие примерные и прилежные, все так прилизано и гладко. Так нормальные люди не говорят! Мне никакая реклама не нужна. Я уже сделал себе имя и как актер и как певец. То, что я наблюдаю сейчас — не путь к успеху. Это полное отсутствие какого бы то ни было профессионализма. Я понимаю, почему люди не идут в театральный институт, а предпочитают легкий путь на сцену. Зачем быть настоящим профессиональным актером, если на актерскую зарплату в принципе нельзя существовать при сегодняшнем уровне цен? Не нужно рассматривать человечество как идеал. Человечество — это сборище циников и лицемеров, это большое стадо зверей, среди которых в редком случае попадаются исключения. Эти исключения можно называть поименно — Достоев-

ский, Шалапин, Гомер, Ломоносов... Остальные — это дикая, нецивилизованная, завистливая, жадная, хищная масса.

— А себя вы к какой категории относите?

— Я себя ни к каким не отношу. Я — созерцающий, постигающий эту ситуацию. Я очень долгое время ходил в розовых очках, у меня были совершенно другие понятия, другие взгляды. Тогда каждый человек работал с удовольствием, получал деньги с удовольствием. И вдруг в воздухе стали витать такие слова: «деревня», «колхозник», «деревенщина». Обществу осталось нравственно чистые люди. Но у него ничего не получилось, потому что этот раскол успел стать, к сожалению, идеологией. Если раньше мы мерили какими-то человеческими понятиями, то теперь все стало на

коммерческую основу. От того, сколько в твоём кошельке денег, судят, хороший ты человек или плохой, нравственный или безнравственный. Откуда берутся у людей деньги, никто не интересуется, но тут есть парадокс — при резком увеличении богатых людей резко сократилось количество желающих работать. Да, стало возможным воровать деньги в неограниченном количестве. Люди набивают карманы, строят свое богатство на бедности других людей!

— Вас это угнетает?

— Я бы так не сказал. Я просто верю в свою правоту и буду до конца дней защищать свое мнение. Хотя при этом понимаю, что от моего мнения ничего не зависит, так как это жизнь, и она идет так, как ей хочется. Я изменить судьбу не в состоянии. Человечество на каждом этапе своей жизни наблюдает в той или иной степени развитие первородного греха, развитие вселенского зла. Я, как актер, на сцене вынужден иг-

рать тех героев, которые побеждают зло. Публично я вынужден говорить, что все хорошо, что нет проблем.

— Михаил, что сейчас с вашим театром «Бенефис»?

— Да ничего! Меня абсолютно не интересует административная работа.

— Театр хотя бы откроется?

— Нет, это все мечты, которым не суждено воплотиться. Не так давно в Петербурге было 600 заявок на открытие новых театров. Я считаю — не нужно открывать новых театров. Нужно хорошо играть на сцене. Открывать театры — это дело меценатов. Артисты, к которым я себя отношу, должны заниматься своим делом — играть на сцене!

— Но в этом здании даже ремонт идет. Неужели все напрасно?

— Да, ремонт шел, но приостановился, закончились деньги. В Москве, где ходят большие деньги, наверное, легче выстроить даже новое здание под какую-нибудь те-

атр-студию или оперный театр. А в Питере таких денег нет. Мы не можем найти средства, чтобы просто отремонтировать это здание.

— Для вас театр — это больше работа или удовольствие?

— Для меня — работа. Я стараюсь работать профессионально, насколько у меня это получается. Назовите мне профессию, которую человек воспринимал бы только как удовольствие? Я еще не встречал людей, которые с утра пораньше бегут к станку или бегут в офисы. Неужели стоматолог хочет каждый день ковыряться в зубах старой бабушки? Но он профессионал, это его работа, и он выполняет ее, не задумываясь об удовольствии. Удовольствие он получает, когда у него все получилось, он вечером дома лег на диван и подумал: «Черт возьми! А неплохой сегодня зуб получился!»

— Ну а как же творческий момент? Согласитесь, актер — не врач. Врач действительно все должен делать по правилам, иначе не вылечит че-

ловека. А актер, как мне кажется, натура творческая — обязательно должна присутствовать его личная харизма...

— Я не согласен с участвовавшим в последнее время употреблением понятия «творчество». Что такое творчество? Это процесс создания чего-то принципиально нового. А что нового я создаю, играя на сцене? Я только доношу до зрителя характер своего героя — и все. Это ремесло, которым я зарабатываю на жизнь. Я не творец. Творец — Бог.

— Когда вы начинали, вы также относились к своей профессии?

— Нет, это мнение сложилось с годами. В молодости я не раздумывал, творческий я человек или нет. Мне просто хотелось играть в театре, общаться с теми актерами, которые мне нравились.

— Но тогда и путь к успеху был другой...

— Тогда таких слов — «успех», «карьера» — не произносили. За них можно было

получить по морде. Все делалось ради искусства. Я, например, не учился на киноактера, я всегда мечтал играть в театре, где играли мой отец и мой дядя. Я хотел быть причастным к пьесам Чехова. А то, что актер — нищенская профессия, я тогда не задумывался. Деньги я начал зарабатывать, когда снимался в массовках и в эпизодах в кино. Так я попал в кинематограф. Таких эпизодических ролей, ради денег, было очень много, пока я после армии не попал в фильм к Мельникову «Старший сын» на роль Сильвы. Еще свою положительную роль сыграло то, что я знал ноты. Тогда стало появляться много музыкальных фильмов, композиторы приносили песни и спрашивали, кто будет петь. Сразу показывали на меня. Почему? Да потому что у меня было музыкальное образование и я понимал ноты! Раньше я был артистом, который иногда пел, а теперь я певец, который старается играть. Даже не знаю, что лучше.

— У вас получается и то и другое. Кстати, вы пели дуэтом со многими женщинами нашей эстрады: Ольгой Зарубиной, Софией Ротару, Анне Вески, Аллой Пугачевой, Татьяной Булановой. Кто-то из них оставил в вашей душе яркий след?

— Самое яркое впечатление от дуэтов с Алисой Брунновной Фрейндлих, с которой я на сцене пропел 15 лет. Это идеальный партнер для выступления. А так — звонит мне один администратор: «Миша, надо записать дуэт с Булановой». Ну надо, так надо, приезжаю на студию — никакой Булановой, естественно, нет, она свою партию уже записала, я свою тут же записал. Вот вам и дуэт с Татьяной Булановой. С Аллой Пугачевой, кстати, забавно получилось. Снимался новогодний огонек. Алла тогда еще не была известной, я тоже был начинающим. Так вот к этому «Огоньку» она записала дуэт с каким-то парнем, который уехал в Израиль накануне съемок. Пугачева в панике: кто же будет ее партнером, когда эфир идет под фонограмму? Я стоял недалеко, Алла попросила меня составить ей «компанию». Я не отказал — вышел, открыл рот под чужую фонограмму, а через пару номеров пел уже настоящий дуэт с Ольгой Зарубиной «Так не должно быть». Вот так в одной передаче я с двумя разными певицами «пел» совершенно разными голосами.

— С Ротару вы снимались в фильме «Душа»...

— На самом деле фильм начали снимать с Пугачевой, но потом у Аллы со Стефановичем произошел конфликт, и Саша решил снимать Сою Ротару. Зато на пробах я вдоволь нацеловался с Аллой. Я не переживал — Стефанович был моим хорошим другом, я знал, что он не прервует!

— Вы иногда выступаете вместе со своим сыном Сергеем...

— Идея дуэта с ребенком — это идея покойного Виктора Резникова: я пел со своим сыном, Витя со своим. Мы хотели записать несколько песен, но, к сожалению, Витя разбился. А с Сергеем нас попросил спеть кто-то с телевидения. Был проект дуэтов звезд с детьми.

Сейчас у Сергея свой сольный проект, своя группа, они уже выпустили новый альбом.

— Неужели Сергей не пользуется вашей популярностью?

— Я за ним такого не замечал. Он мне еще в самом начале сказал, что будет работать абсолютно в другом стиле, что о Михаиле Боярском будет напоминать только фамилия — Сергей Боярский. Он не афиширует наше родство.

— Вы ему хотя бы помогаете в продвижении в музыкальный мир?

— Абсолютно нет. Сергей не посвящает меня в свои творческие и человеческие планы. Да я и не рвусь в партнеры. Хотя, признаюсь, бывает обидно: неужели ему не хочется сыграть или спеть со своим отцом? Для меня было огромным счастьем, когда я единственный раз в жизни сыграл на сцене со своим отцом. У Сергея такого нет. Зато моя дочь, которой уже шесть лет, прекрасно поет и, думаю, что с ней-то мы как раз и попоем!

— В клубах выступать приходится?

— Приходится выступать везде, где платят деньги. Клуб для меня это страшное место, не дай Бог, я приду туда за час до выступления. Весь этот час я буду вынужден слушать «Кунс-кунс-кунс», как молотком по башке. После этой канонады очень тяжело выходить со своими песнями. Я даже подумал: а не сделать ли мне ремиксы всех своих песен в клубном стиле? Но решил, что это ни к чему. Я привык выступать живьем, играть, петь.

— Слышал, что на своих сольных концертах вы иногда поете под одну лишь гитару. Это трудно?

— Когда ситуация вынужденная, приходится петь весь концерт под гитару. Недавно приехал выступать, поставил мини-диск, а он не играет. Я жутко разозлился на своих администраторов, которые сидели за кулисами, пили коньяк и даже не проверили, работает ли аппаратура. После концерта я им, конечно, «дал дрозда».

— В таком напряженном состоянии отработали сольники?

— Я, как актер, умею переключаться. Я пел и думал о бухгалтерии. Знал, что получу гонорар, поэтому было спокойнее.

Я не люблю слово «искусство». Оно происходит от слова «искушение», а искушение — это дьявольская ипостась. Желание выходить на сцену — нормальное для актера. Но не знаю, кто именно меня туда толкает!

— Какая песня из спетых ближе всего?

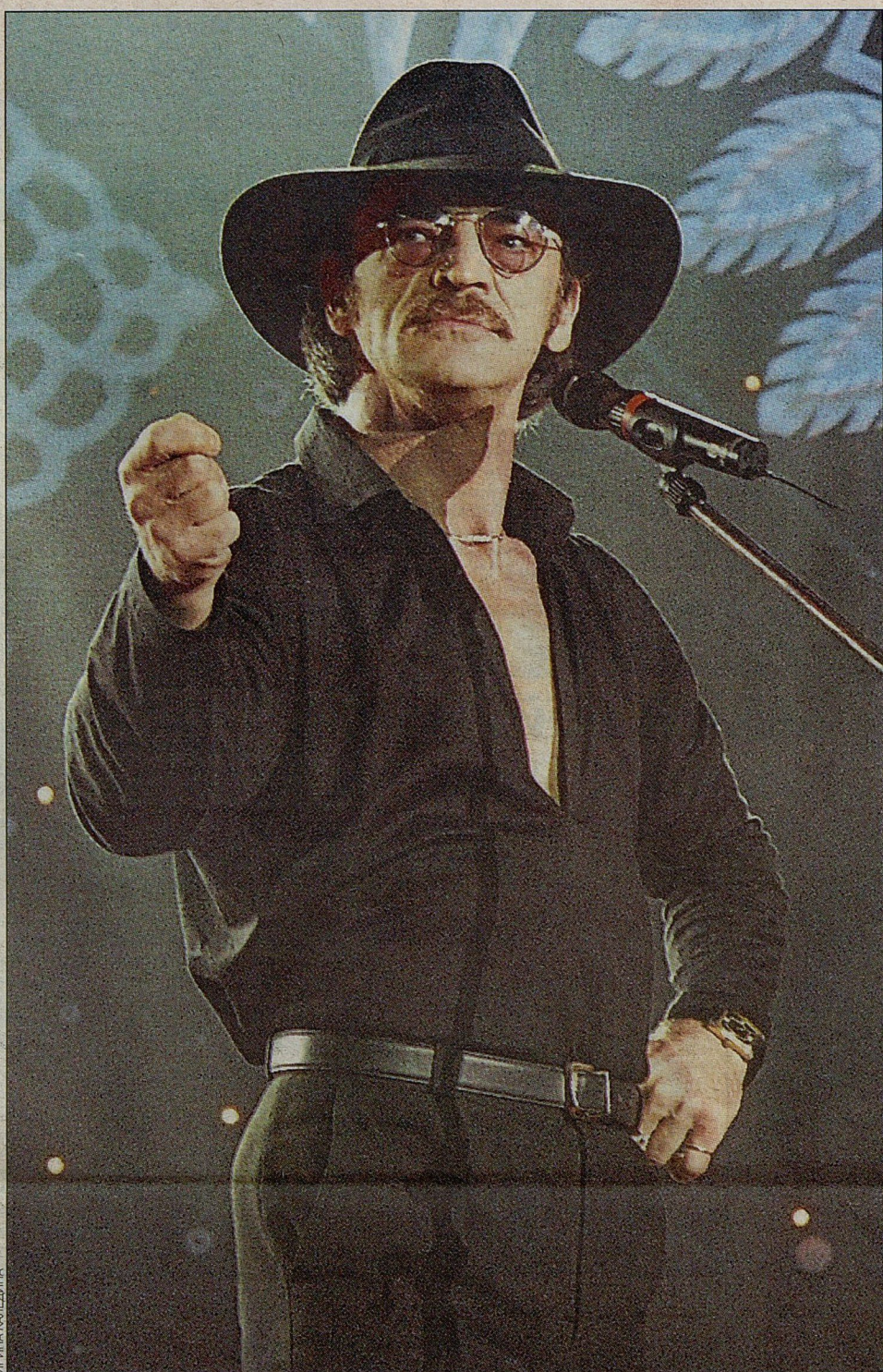
— Понимаешь, я же свои песни не слушаю.

— А когда запишете, прослушиваете?

— Приходится, к сожалению.

— А фильмы с вашим участием пересматриваете?

— Специально — никогда! Если только случайно где-нибудь включен телевизор, тогда вспоминаю: да, помню такой фильм! Я люблю по нескольку раз пересматривать фильмы с участием Высоцкого, люблю «Собаچه сердце» — знаю наизусть все главные фразы и с нетерпением

их жду: вот здесь сейчас он скажет, здесь посмотрит!

— Вас приглашают сниматься в сериалах?

— На главные роли никогда не приглашали, только на второстепенные. Если честно — жалко тратить время на сериалы, потому что результат непредсказуемый. Лучше сняться в эпизоде, как Охлобыстин в фильме «Вместо меня»: двадцать секунд игра-

ет шофера, но как же умопомрачительно здорово! — Сами телевизор смотрите?

— Приходится. Правда, не могу задерживаться на одном канале больше 10–15 минут. Я листаю телеканалы как страницы журнала. Было бы здорово, если бы можно было запрограммировать телевизор так, чтобы он не задерживался на одном канале более 15 минут и переключался на другой канал! Поэтому что уже становится лень нажимать на кнопки пульта.

— Слышал, что вы пишете стихи?

— Стихов как таковых я не пишу. Я пишу только разные слова к разным «капустникам», когда надо поздравить кого-нибудь.

— Последнее время многие актеры пишут автобиографии — этот жанр пользуется большой популярностью. У вас не было желания написать о своей жизни, о встречах, о вашем становлении, о ролях — ведь столько всего интересного было в вашей жизни?

— Лично у меня такого желания не возникало и не возникает. При этом есть огромное количество людей, которые просят, чтобы я им рассказал о себе, а они обещают написать книгу, просят надиктовать на диктофон. Такой вариант мне неинтересен — это чистой воды коммерция.

— А почему все-таки сами не возьметесь за перо?

— Я же не писатель! Я не умею писать книги. А потом: я захожу в метро, заглядываю в книжный магазин и что я вижу — полки, заставленные автобиографиями и биографиями. Вот если бы никто не писал, я бы написал. А быть как все, со всеми — как-то не хочется!

— А легко ли вас заставить что-либо сделать?

— Для примера расскажу случай. Однажды я брякнул в театре, что знаю три языка, что я писатель — словом, потрепался. Тут ко мне под-

ходят три какие-то дурочки и спрашивают: «Вы и правда пишете? А можете нам написать сценарий новогодней передачи?». Ну я и ляпнул: «Нет проблем!». Естественно, я тут же забыл о своих обещаниях, а где-то через неделю мне звонят с телевидения и говорят: «Послезавтра съемка вашей программы». Я в шоке — пришлось за день написать сценарий. Так что только в безвыходном положении, когда меня прижмут к стенке, я могу сделать что-то. Так и на сцене: я бы с удовольствием не выходил на сцену, но когда звенит третий звонок и открывается занавес — деваться некуда, приходится выходить и играть. Никто из зрителей не догадывается, насколько перед этим хочется все бросить и убежать от страха.

— Неужели до сих пор боитесь сцены?

— Поначалу, конечно же, боялся. Это же так ответственно, так страшно — сказать столько текста! Это как в прорубь — тебя бросают, а ты должен удержаться на воде. Я барахтался пару раз, но потом научился держаться на воде.

— Как ощущаете себя, живя в самом центре Петербурга?

— По-моему, так и должно быть.

— А дача? Часто там бываете?

— Я человек ленивый, благо дача недалеко, всего 50 километров от Питера. Когда туда приезжаю, из дома не выхожу. Мне кажется, человек в голове перемещается гораздо быстрее и интереснее. Если с фантазией, конечно, все в порядке. Например, я захожу в Египет. Я закрываю глаза: передо мной пирамида, просящий подаяние бедуин, кальяны, какая-то забегаловка, очередная гостиница, жара. Зачем ехать, если я и так себе представляю Египет? Какой интерес?

— Кстати, как отдыхаете?

— Это бывает крайне редко, дай Бог раз в год удастся.

— Есть излюбленные места?

— Мне очень понравились Мальдивские острова. Собственно, больше на отдыхе я нигде не был. Я не люблю отдыхать, поэтому с семьей выезжал только на Мальдивы уже четыре года подряд. Мне кажется, лучше не бывает, а если бывает, то лучше мне об этом не знать.

— Компании любите?

— Люблю. Иногда мы снимаем кафе «Идиот» вместе с друзьями-актерами. Недавно собирались там с Володи Машковым, с Женей Мироновым. Не так давно Дружинина в гостях была с Харатьяном. Специально я друзей не собираю, приглашений не высылаю. Мы собираемся спонтанно. Бывают иногда чудеса: однажды ночью пришел Коля Расторгуев, а у нас в подъезде сидит охранник — фанат «Любэ». Коля спрашивает, как пройти к Боярскому, а охранник от неожиданности дара речи лишился! Вот как забавно иногда бывает! Когда выступал Пол Маккартни, я жалею, что он не зашел в гости, хотя выступал прямо за углом моего дома — на Дворцовой площади.

— Что из событий культурной жизни вам наиболее запомнилось за последнее время?

— Моя культурная жизнь протекает весьма своеобразно: если я иду в театр, то не могу смотреть весь спектакль от начала до конца. Я смотрю минут 15–20, этого достаточно, чтобы понять, стоящая постановка или нет. Я очень люблю кино, но, к сожалению, не успеваю смотреть все новинки. Поэтому мой сын приносит видеокассеты домой, я смотрю фильмы дома. Из последних фильмов мне безумно понравился фильм Звягинцева «Возвращение». Этот фильм я понял и прочувствовал от начала до конца. А в ближайшее время собираюсь посмотреть «Водителя для Веры» Чухрая и «Папу» Машкова.

— Что вы больше любите: искусство в себе или себя в искусстве?

— Я не люблю слово «искусство». Оно происходит от слова «искушение», а искушение — это дьявольская ипостась. Желание выходить на сцену — нормальное для актера. Но не знаю, кто именно меня туда толкает!

— Вы верующий человек?

— Да, конечно...

— В церковь часто ходите?

— Да. Хожу туда покаяться...

— Спасибо вам за беседу!

— И вам спасибо. Когда интервью заканчивается на Боге — это сильно!

Иван ИЛЬИЧЕВ